

Подписная цена съ доставкой и
пересылкой.

	Въ Томскѣ.	Въ др. города.	Загра- нцу.
а 12 м.	4 —	5 —	9 —
• 9 •	3 30	4 —	7 —
• 6 •	2 30	3 —	5 —
• 1 •	— 40	— 50	— 94

Подписка и объявленія (по тавелъ)
принимается въ книжныхъ магази-
нахъ П. И. Манушина въ Томскѣ и
Иркутскѣ. Извѣстныя требованія
адресовать въ редакцію.

За перемѣну адреса многогороднаго
на многогороднѣй взимается 35 коп.;
при переходѣ городскихъ подписчи-
ковъ въ многогороднѣе доплатывается
разница подписной цѣны по сроку
однѣмъ.

Сибирская Жизнь

ие, сквозь пропихнуты. И изъ прежнихъ произведений г. Чехова, не смотря на его общепризнанную безыдейность, нѣкоторые имѣли несравненно большее общественное и идейное значеніе, чѣмъ большин-ство современныхъ «идейныхъ» романовъ и повѣстей, написанныхъ на общественныхъ темахъ. Вообще—не въ укоръ будь сказано нашимъ идейнымъ беллетристамъ—удивительное убожество чувствуется почти во всѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ нашего времени, претендующихъ на изображеніе общественныхъ теченій среди современной интеллигенціи или на проведеніе общественныхъ взглядовъ и симпатій автора. Но послѣднія произведенія г. Чехова нельзя даже назвать безыдейными, въ общепотребительномъ смыслѣ этого слова. Часто авторъ оставляетъ въ нихъ роль безстрастнаго наблюдателя и рассказчика и вкладываетъ въ уста своихъ героевъ страстныя жа-ры любви на пошлость и безыдейность окружающей жизни, на нашу слячку и на тѣ условія, кото-рыя создаютъ эту слячку, подавляя въ насъ всякую инициативу, обезличивая и опошля насъ развращающа и кастрирующа мысль и нашъ умъ.

Описывая въ «Крыжовникѣ» добродѣтельнаго чи-повника, который всю жизнь скопидомничалъ, не допивалъ и не добѣдалъ, отбѣдалъ въ ложоты и женился на старой и некрасивой, но замѣтной вдовѣ—для того, чтобы купить себѣ нѣжнѣе и жить въ свое удовольствіе, авторъ говоритъ уста-ми брата этой жертвы «мѣщанскаго счастья»: «Какъ въ сущности много довольныхъ счастли-выхъ людей! какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кру-гомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возму-тился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на ры-нокъ за провинціей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, стараются, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покой-никовъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, ко-торые страдаютъ, и то, что странно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спо-койно, и протестуетъ только одна нѣмая стати-стика: столько-то съ ума сошло, столько-то ве-дѣрь выпито, столько-то дѣтей погибло отъ не-добѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы не-возможно. Это общій гиньотъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь равно или поздно покажетъ ему свои когти, страстася бѣда—болѣзнь, бѣдность, потеря, и его никто не уви-дѣть и не услышать, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣчка съ мо-лоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣ-теръ осину—и все обстоитъ благополучно».

Трудно подыскать въ нашей литературѣ по-слѣдняго времени болѣе стройный протестъ про-тивъ всего уклада нашей общественной жизни, опошляющаго и декоративизующаго насъ. Но созна-ніе всѣхъ этихъ ненормальностей не располагаетъ автора къ полной безнадежности. Устами того же героя авторъ призываетъ насъ къ иной жизни, въ возможность которой онъ вѣритъ. «Не усно-ковывайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодрѣе, не уставай-те дѣлать добро! Счастья вѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вѣсь не въ на-шемъ счастьѣ, а въ чьей-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... дѣлайте добро!»

Изъ современныхъ писателей мнѣ кажется толь-ко у Толстого и можно найти такой смѣлый и глубокий анализъ окружающей дѣйствительности и такой горячій, мучительно-страстный призывъ къ добру.

Наиболѣе характернымъ изъ названныхъ раз-сказовъ является «Человѣкъ въ футлярѣ». Герой разсказа Вѣляковъ—учитель греческаго языка въ гимназій. Главной чертой его является постоян-ное непреодолимое стремленіе окружить себя обо-лочкой, создать себѣ футляръ, который защищалъ бы его отъ вѣшнихъ вліяній. Всегда, даже въ очень хорошую погоду, онъ выходилъ не иначе, какъ въ галошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ теплое пальто на ватѣ. И зонтикъ былъ у него въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ стѣрой зам-ша и когда онъ вынималъ нерочинный ножикъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножикъ у него оказывался въ чехольчикѣ. Казалось даже, что и лицо его было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все вре-мя пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Вѣля-ковъ носилъ темныя очки, фуфайку, уша закла-дывалъ нагой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Дѣйствительность раздражала его, пугала и, чтобы оправдать свою робость, отворачиваясь къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было, такъ что и древніе языки, которые онъ прено-давалъ, были для него тѣми же футлярами, куда онъ прятался отъ дѣйствительности. Для него были ясны и понятны только циркуляры и газет-ныя статьи, въ которыхъ что-нибудь запрещалось; въ разрѣшеніи же и позволеніи для него всегда скрывался элементъ сомнительный, что-то недо-сказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, читальню для чайную, онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо: «оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло!»

Этимъ своимъ «какъ бы чего не вышло» Вѣ-ляковъ отравлялъ жизнь цѣлаго города, держалъ въ страхѣ даже директора и учителей гимназій—«народъ все мыслящій, глубоко порядочный, во-спитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ». На каж-домъ шагу онъ нагонялъ на нихъ своимъ нѣмымъ страхомъ и тоску. Если кто изъ товарищей опаз-дывалъ на молебень или до Вѣлякова доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ полъ ру-ку съ офицеромъ, онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло, а на педаго-гическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ всѣхъ своею осторожностью и своими чисто футлярны-ми соображеніями, насчетъ того, что вотъ-де въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ молодежь ве-детъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло, и что если бы насъ второго класса исключить Петрова, а изъ чет-вертаго Игорова, то былъ бы очень хоро-шо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, свои-ми темными очками на блѣдномъ маленькомъ ли-

Журнальное обозрѣніе.

(Сентябрскія книжки «Рускаго Богатства», «Вѣстника Европы», «Міра Божьяго», «Русской Мысли» и «Обра-зованія».)

Наиболѣе любопытнымъ литературнымъ явленіемъ въ текущей журналистикѣ слѣдуетъ считать три небольшихъ разсказа Авт. Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви» («Р. М.», VIII—IX кн.). Помимо обычнаго тала г. Че-хова, сказаннаго и въ этихъ произведеніяхъ, любопытной особенностью ихъ является то чув-ство глубокаго пессимизма и недовольства окру-жающей дѣйствительностью, которыми они на-

дѣ, напоминавшемъ хорька, онъ давилъ всѣхъ и ему уступали, — сбавляли Петрову и Егорову баллы по поведенію, сажали ихъ подѣ арестъ и въ концѣ концовъ, исключали. Этотъ смѣшной и жалкій человѣкъ, ходившій всегда въ таловыхъ и съ зонтикомъ, дѣлалъ пятнадцать лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ не только всю гимназію и гимназическое начальство, но и весь городъ: иѣстныя дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боясь, что объ этомъ узнаетъ Вѣликовъ; духовенство стѣснялось при немъ ѣсть скоромное и играть въ карты. Подѣ влияніемъ его и ему подобныхъ въ городѣ стали него бояться. Боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бѣднымъ, учить грамотѣ и т. д. Даже послѣ смерти Вѣликова жизнь продолжала идти также вяло и безцѣльно подѣ страхомъ «какъ бы чего не вышло».

Вѣликовъ — удивительно жизненный типъ. Кому незнакомы эти герои вѣчнаго страха и вѣчной тревоги, приверженцы «сужденности и аккуратности», развращающіе среду, въ которой они живутъ, и отравляющіе воздухъ, которымъ они дышатъ? Неспособные сами, они и намъ не даютъ жить полною человѣческой жизнью; подавляютъ наши духовныя запросы и высшія стремленія, отравляютъ наши радости, иѣшаютъ дѣлать добро, любить и ненавидѣть, сѣяться и веселиться отъ души. Точно ядъ, струи мертвой воды влияют эти полумертвецы, подувоматы въ нашу общественную жизнь своими опасеніями и предостереженіями, и внушаютъ къ себѣ опасеніе и ненависть во всякомъ, кого не успѣли окончательно отравить своими гнетворными влияніями. На самомъ дѣлѣ эта ненависть несправедлива. Вѣликовы создали всю нашу исторію, они — продуктъ нашей общественной жизни и потому не отвѣтственны за свои поступки. Нельзя, конечно, отрицать ихъ влияния на окружающую среду, но прежде всего нужно понять, что они сами создатели этой среды и что на эту среду должна пасть отвѣтственность за всѣ ихъ злодѣянія. При иныхъ общественныхъ условіяхъ и иномъ культурномъ уровнѣ общества Вѣликовы были бы анахронизмомъ и было бы даже смѣшно говорить о возможности для нихъ вредно вліять на окружающую среду. Сумасшедшіе возможности во всякомъ обществѣ, но играть общественную роль, вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ они могутъ лишь въ обществѣ очень некультурномъ и невоспитанномъ, привыкшемъ ходить на помочахъ и чувствовать надъ собою постоянную опеку, лишеномъ всякой общественной инициативы. А если такъ, то «нечего пенять на зеркало, если рожа крива», нечего винить Вѣликовыхъ, которые являются лишь отраженіемъ нашей общественной жизни. Пусть исторія покажетъ тѣ условія, которые создали Вѣликовыхъ и среду, способную подчиняться ихъ влиянію, — вотъ все, что можно сказать въ этомъ случаѣ.

Такимъ же протестомъ противъ искусственности нашей жизни дышетъ и третій рассказъ г. Чехова «О любви». Здѣсь рисуется человѣкъ, искалѣчившій всю свою жизнь во имя какого то призрачнаго долга, принесшій ему въ жертву даже любовь къ женщинѣ, которая любила его взаимно. Такою тоскою вѣсть и отъ этого рассказа. Послѣ того, какъ жизнь была уже безповоротно исковеркана, герой рассказа позналъ, какъ жалокъ и смѣшонъ былъ онъ въ своемъ великодушіи. — «Со жгучей болью въ сердцѣ, — говоритъ онъ, — я позналъ, какъ ненужно, мелко и обманливо было все то, что намъ иѣшало любить. Я позналъ, что когда любить, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ вышшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходичей смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Остальная беллетристика разбираемыхъ книжекъ представляетъ изъ себя мало интереснаго. Недурень рассказъ А. И. Купріанова изъ жизни польскія «Въ дѣсной глуши», напечатанный въ «Русскомъ Богатствѣ». Повесть тамъ же повѣсть Л. А. Аннковой «Наслѣдники» обращаетъ на себя вниманіе не столько своими литературными достоинствами, сколько типами представителей молодого поколѣнія, изображенными въ ней. Изъ нихъ только княжна Вѣра Баратынцева, молодая уже и некрасивая дѣвушка, является умнымъ и чувствующимъ человѣкомъ. Братъ ея — Андрей, старшій сынъ и любимецъ родителей, на котораго они возлагали самыя блестящія надежды, — пустой прожигатель жизни, промотавшій значительную часть отцовскаго богатства и заставившій родителей сдѣлать крупный заемъ у иѣстнаго кулака Гарушина. Третьимъ представителемъ молодого поколѣнія является сынъ этого Гарушина — возмущенная флегма и апатія. Ни какихъ-либо стремленій, поднимающихся выше собственнаго благополучія, ни увлеченій чѣмъ-бы то ни было, ни даже простого честолюбія Гарушинъ — сынъ не знаетъ. Просто жутко становится, когда подумаешь въ эти типы и вспоминаешь, что и большинство молодежи нашего времени состоитъ изъ Баратынцевыхъ — безнечныхъ и ленивыхъ искателей удовольствій и изъ Гарушиныхъ, которымъ кажется скучнымъ и не нужнымъ все, что не носитъ характера матеріальной выгоды. Нечего сказать, хороши «наслѣдники» у сходящаго со сцены поколѣнія!

Очень и съ непоказанной художественностью написанъ очеркъ Элены Ожешковой «Съ пожара» (Р. М., VIII—IX нв.), темою для котораго послужили личныя воспоминанія талантливой польской писательницы. Рѣчь идетъ о дѣйствительномъ событіи — пожарѣ, свирѣпствовавшемъ въ 1885 г. въ городѣ Гродно три дня и истребившемъ 675 строеній. Г-жа Ожешкова рисуетъ рядъ отрывочныхъ картинъ жирной жизни города до и послѣ пожара, и съ страшнымъ реализмомъ изображаетъ всѣ бѣдствія, которыя пришлось вынести послѣ пожара всѣмъ классамъ городского населенія. На фонѣ общей растерянности и подавленности авторъ рисуетъ нѣсколько героически — самоотверженныхъ натуръ изъ простого класса, для которыхъ личное несчастье было совершенно заслонено общою бѣдою. Таковы, напримеръ, каменщикъ Янъ Чернявскій и сапожникъ Флорентій.

Въ «Мирѣ Божьемъ» много и талантливо написано переводимый рассказъ изъ жизни уличныхъ дѣтей Неаполя «Пенни-елло». Авторъ рассказа итальянскій писатель Чарльзъ Грантъ.